

ИВАНЪ ПРЕМУДРЫЙ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ у царя былъ сынъ Иванъ царевичъ. И какъ только онъ сталъ въ совершенныхъ лѣтахъ, сталъ онъ у папеньки проситься невѣсту искать. Поѣхалъ. Приѣзжаетъ къ королю; у него три дочери, у этого короля. А ужъ королю такъ хотѣлось, чтобъ Иванъ царевичъ взялъ которую-нибудь дочь; съ такой радостью его встрѣчаетъ. Всѣ такъ рады, кушать сѣли. Иванъ царевичъ и говоритъ своему дядькѣ: «дядька, поди узнай, гдѣ у королевенъ спальни!» Дядька сходилъ, узналъ. Кончился ужинъ. Поѣхалъ Иванъ царевичъ съ дядькой. «Какъ бы, говорить, подслушать, что обо мнѣ будутъ говорить!» Подвелъ дядька Ивана царевича къ ихъ спальнѣ.

Сошлись въ эту спальню всѣ три королевны и радуются. «Ахъ, какъ бы меня Иванъ царевичъ взялъ, я бы изъ одной ручонки напяла бы сорочку и порты.» А другая говоритъ: «ахъ, какъ бы меня Иванъ царевичъ взялъ, я бы изъ одной мочечки напяла бы сорочку и порты.»—Третья и говоритъ: «нашли же вы чѣмъ хвалиться! Какъ бы меня взялъ Иванъ царевичъ, я бы ему шесть сыновей родила, а седьмого Ивана премудраго, по локти ручки въ золотѣ, по колѣны ноги въ серебрѣ и на каждомъ волоскѣ по жемчуженкѣ.»—Иванъ царевичъ и говоритъ: дядька, слышишь, что онѣ говорятъ?... Теперь, говорить, я сватать буду.

Поутру приходитъ къ королю. «Мнѣ, говорить, большая ваша дочь очень нравится.» Царь такъ радъ; у царей не брагу варить, не вино курить, все готово; сыиграли свадьбу. Попировали съ недѣлю. Онъ и говоритъ: «что-жь, душечка, ты общала изъ одной рученечки напясть сорочку и порты?» Развѣ это можно?!.. Мало ли что въ дѣвицахъ говорится!—

Онъ взялъ ее въ монастырь, отправилъ; сватаетъ другую. Король отдалъ. Опять попиروвали; онъ и говоритъ: «ну, чтожь, душечка, ты общала изъ одной моченечки напярсть сорочку и порты?»—Можно ли это сдѣлать? Мало ли что въ дѣвицахъ говорится!—Ну, онъ и эту въ монастырь отправилъ. Меньшую сватаетъ, послѣднюю дочь беретъ. Поѣхалъ съ этой къ своимъ родителямъ.

Приѣхали домой, живутъ прекрасно, такъ хорошо. А тѣ сестры ее ненавидятъ: «мы, говорятъ, по недѣлѣ только жили, а она годъ. Всѣ силы употребимъ, да ее истребимъ.» Такъ она годъ прожила, стала беременна. Тѣ злятся, а во дворецъ не смѣютъ взойти при царѣ. Государь уѣхалъ, онѣ приѣзжаютъ къ ней... «Ахъ, милая сестрица! теперь вы въ тягости, надо вамъ хорошую бабушку... Здѣсь все скверныя; такая у насъ есть знакомая славная, и боли не будешь чувствовать.» Повѣрила она сестрамъ. «Милыя сестрицы! сдѣлайте милость, пришлите.» А у нихъ волшебница знакомая-то. Вотъ эта волшебница къ ней приходитъ, дала ей порошка выпить, та безъ памяти и стала, родила двухъ сыновьевъ по локти ручки въ золотѣ, по колѣни ножки въ серебрѣ; на каждомъ волоскѣ по жемчужинкѣ. Волшебница взяла этихъ дѣтей къ себѣ, а вмѣсто нихъ понесла къ царю котенка да кутенка. «Что это ты принесла? Хоть бы простаго ребенка!»—Что-жь, батюшка, что родится, то и годится.—Государыня узнала, плакала, плакала. Государь долго сердился, долго его уговаривали. Наконецъ простилъ ее, страшно онъ любилъ ее; и всѣ въ государствѣ ее любили...

Черезъ нѣсколько времени она опять забеременѣла. Сестры еще больше ее ненавидятъ, что онъ опять съ ней живетъ. Какъ государя нѣтъ, онѣ опять приѣзжаютъ; такъ-такъ съ ней ласковы... «Вѣдь, ты тогда хорошо родила?»—Хорошо, говоритъ; никакой боли не чувствовала.—«Ну, мы тебѣ опять

эту бабушку доставимъ!»—Я ужь, говорить, не знаю... «Нѣтъ, нѣтъ, непременно; мѣнять негодится...» Опять эта волшебница пріѣхала, дала ей порошка, она и заснула... Во снѣ родила двухъ сыновьевъ по локоть руки въ золотѣ, по колѣнъ ножки въ серебрѣ, на каждомъ волоскѣ по жемчужинкѣ; спрятала ихъ къ себѣ, положила лягушеночка да мышоночка... Опомнилась она. «Ну, что, говорить, кто у меня родился?...» Лягушеночекъ да мышеночекъ!... «Ахъ, бабушка, милая! не родилъ ли кто нибудь въ нашемъ царствѣ, вмѣсто моихъ дѣтей бы взять?»—«Какъ можно, какъ можно?»—Вымыла, понесла къ царю.—«Что ты еще принесла?»—«Лягушеночка да мышоночка.»—Старая корзина! Зачѣмъ тебя не сетъ?»—«Показать, батюшка, показать!» Такъ эта царица плакала, плакала... Пріѣзжаютъ генералыши, сенаторыши... «Вы бы, говорятъ, бабуку перемѣнили...» Да мнѣ, говорить, сестрицы рекомендуютъ... «Да они васъ ненавидятъ.» Государя уговаривали, уговаривали... Государь опять простилъ ее; стала она выходить..

Черезъ нѣсколько времени она опять забеременѣла. «Хоть бы Господи далъ простаго ребенка!»—Опять ей эти сестры ту бабуку навялили, она положила вмѣсто дѣтей головню да звѣрка какаго-то. «Бабушка! что у меня родилось?»—Головня, матушка, головня!—«Ахъ, Господи!...» Ну, что-жь?... Что родится, то и годится... Долго царь гнѣвался, въ послѣдній разъ простилъ... Вотъ она опять забеременѣла, родила Ивана премудраго... Ее вмѣстѣ съ этимъ Иваномъ премудрымъ засмолили, пустили по водѣ...

Растетъ Иванъ премудрый въ бочкѣ не по днямъ, а по часамъ; ужь такой премудрый, такой умный. Потянулся, ударилъ въ дно, дно вылетѣло. Вышли на островъ. Ходятъ они по острову, вѣтеръ поднялся такой холодный... «Какъ, говорить, я озыбла!»—Сейчасъ онъ огня досталъ, зажегъ..

Вы, говорить, погрѣйтесь; а я пойду въ лѣсонъ, птички—звѣря поймать. Шелъ озеромъ, шелъ лугомъ, шелъ дальше; и видитъ—келейка. Взошелъ: нѣтъ никого, сейчасъ сталъ искать пропитанія; посмотрѣлъ въ печкѣ, нѣтъ ничего... «Постой, я подъ печку спрячусь!»—Залѣзъ, сидитъ подъ печкой... Входитъ старикъ съдой, сѣлъ на лавку, взялъ дубинку, ударилъ о земь. «Дубинка, развернись!» Сейчасъ откуда ни возмись кушанья-напитки... «Вотъ какъ бы мнѣ эту дубинку!»—Старикъ наѣлся, напился, поставилъ дубинку въ уголочъ, легъ спать, захрапѣлъ, спитъ крѣпкимъ сномъ. А Иванъ премудрый вышелъ, взялъ дубинку, бѣжитъ домой... Бѣжитъ назадъ тѣмъ же озеромъ, лугомъ. Идетъ мужичекъ... «Что ты несешь?»—Топоръ!... Захочешь домъ построить, сейчасъ будетъ... А Иванъ премудрый дубинку ему показалъ... «Давай мѣняться!» Помѣнялись. Старикъ идетъ шибко съ этой дубинкой. Иванъ царевичъ и говоритъ: «топоръ! нельзя ли у старика у этаго отнять мою дубинку.»—Какъ, говоритъ, нельзя? Можно! Полетѣлъ топоръ, отнялъ у старика дубинку.

Приходитъ Иванъ премудрый къ матери съ топоромъ и съ дубинкой, рассказываетъ матери. Мать такъ рада, молится Богу. Ложится Иванъ премудрый спать, приказываетъ топору и дубинкѣ, чтобы выстроили дворецъ точь-въ-точь такой, какъ у папеньки. Утромъ просыпается во дворцѣ; прислуга готова, и все такъ, какъ у папеньки во дворцѣ. Они только дивятся. На другую ночь ложится Иванъ премудрый спать, приказываетъ, чтобъ къ утру на островѣ была пристань готова... Встаетъ поутру; все готово.

На другой день плыветъ мимо острова корабль; и купцы дивятся: «птица тутъ не пролетала, теперь дворецъ стоитъ.» Иванъ премудрый выходитъ на пристань. «Господа купцы, пожалуйста!»—А купцы дивятся, идутъ съ нимъ къ нему во дворецъ; онъ ихъ угостилъ, спрашиваетъ: «куда вы ѣдете

и съ какими товарами?»—Идемъ мы въ Россію съ такими-то товарами; да вотъ, говорятъ, приказалъ намъ государь достать соболевъ, куницъ и лисицъ. «Да, у меня, говорятъ, есть!»—Легли спать. Иванъ премудрый и приказываетъ топоръ и дубинкѣ, чтобъ самые лучшіе были соболи, куницы и лисицы. Утромъ всталъ Иванъ премудрый, чай стали пить. Послѣ чаю, онъ и говоритъ: «ну, господа купцы! пойдемте въ кабинетъ смотрѣть звѣрей.»—Пошли, только дивятся эти купцы. «Покупывали, говорятъ, и мы много, а такихъ не видали. Какъ, говорятъ, ваше имя и отечество?»—Иванъ Иванычъ, говоритъ: я здѣсь съ маменькой живу.—И спрашиваютъ у него: «какже, говорятъ, цѣна?»—Я, говоритъ, вамъ такъ дарю, только доведите меня до вашего государства.

Пробыли они у него еще сутки, поѣхали; и онъ съ ними. Корабль, какъ птица, летитъ; бывало двѣ недѣли ѣхалъ, а теперь двои сутки.... Приѣхали; онъ распростился, ушелъ отъ нихъ.... Самъ оборотился мушкой, сѣлъ на правое плечо къ этимъ купцамъ-то; сидитъ. Приходятъ они къ государю. «Не прикажите, говорятъ, насъ казнить, прикажите слово говорить.»—Говори, говори!—«На морѣ на островѣ матушка съ сыномъ живетъ, съ Иваномъ Иванычемъ. И у нихъ вотъ эдакой же дворецъ, какъ у васъ. Мы, говоритъ, трои сутокъ тамъ выжили; такіе они благородные, ловкіе...» Госнода купцы! заворачивайте корабли, поѣдьте!—Тетки тотчасъ выскочили. «Ахъ, что это вы слушаете мужика простаго, деревенскаго... Поѣдьте лучше съ нами за море; у насъ тамъ коты заморскіе!»—Хорошо, говоритъ, завтра!—Купцы подарили государю этихъ звѣрей, ушли домой... Иванъ премудрый и говоритъ: «топоръ-дубинка! чтобъ былъ я дома!» Сейчас перенесли его домой; ложится онъ спать. «Топоръ и дубинка! чтобъ завтра у меня были тѣ коты заморскіе!»

На другой день опять идетъ корабль мимо острова. «Господа купцы! пожалуйста ко мнѣ!»—Тѣ боятся: не было ничего, а тутъ все явилось... Зазвалъ онъ ихъ, угостилъ; они все дивятся на дворецъ, на котовъ заморскихъ: шерсть такъ на нихъ и стелется... Также и эти купцы трои сутки прожили, далъ онъ имъ соболей, лисицъ, куницъ еще лучше прежнихъ и поѣхалъ съ ними. Поплыли; тишина такая на морѣ, а корабль какъ птица летитъ... Купцы и думаютъ: «это, говорятъ, ангелъ, а не человѣкъ; святой, да и только...» Приѣзжаетъ съ ними Иванъ премудрый, простился съ ними, оборотился мушкой, сѣлъ на голову купцу. Пошли купцы къ государю, приносятъ соболей, лисицъ, куницъ еще лучше того... Дивится царь. Купцы и говорятъ: «на островѣ на морѣ стоитъ дворецъ такой же какъ у васъ; и коты у нихъ есть заморскіе. Стоитъ посмотри!» Господа купцы, заворачивайте корабли, поѣдьте на островъ.—Опять эти тетки говорятъ: «ахъ, что это вы всякаго бородача слушаете! Поѣдьте лучше съ нами: въ саду у тетюшки есть птицы райскія, поютъ пѣсни царскія.» Покорно благодарю! Тогда, говоритъ, ѣздили смотрѣть котовъ заморскихъ, да ничего не видалъ!.. «Ну, тѣ могли убѣжать, а птички не убѣгутъ никуда! Поѣдемъ лучше съ нами...» Ну, хорошо, говоритъ... Пошли купцы домой. Иванъ премудрый и говоритъ: «топоръ и дубинка! чтобъ быть мнѣ у маменьки.» Перенесли его на островъ; ложится онъ спать. «Топоръ и дубинка! чтобъ были у меня завтра птицы райскія, пѣли пѣсни царскія.»—Просыпается утромъ, слышитъ: прелесть музыка. Слушали, слушали...

Потомъ опять плыветъ мимо острова третій корабль. Опять Иванъ царевичъ зазвалъ купцовъ, далъ имъ соболей, куницъ, лисицъ. Прожили они у него трои сутки, поѣхали; и онъ съ ними. Корабль, какъ птица, летитъ... Приѣхали; онъ

простился, пошелъ отъ нихъ; потомъ обратился мухой, сѣлъ къ купцу на голову. Приходятъ купцы къ государю, подаютъ лисицъ, куницъ, соболей. Царь и говоритъ: «вотъ такъ соболи! прелесты!» Это ли, говорятъ, мы видали! На морѣ на островѣ стоитъ дворецъ точно такой, какъ вашъ; живетъ въ немъ барыня съ сыномъ, Иванъ Ивановичемъ. У нихъ, и коты заморскіе, и птички райскія поютъ пѣсни царскія... «Ахъ, купцы, заворачивайте корабли; я съ вами поѣду!»— Опять эти теткли: «ахъ, какъ вы малодушны! Поѣдѣте лучше съ нами: у насъ есть шесть сыновей, что ясныхъ соколовъ по локоть ручки въ золотѣ, по колѣно ноги въ серебрѣ, на каждомъ волоскѣ по жемчужинкѣ; они ужь не могутъ пропасть, ихъ только въ полдни выпускаютъ на два часа.»— Царь и задумался про своихъ сыновей. «Хорошо, говоритъ, поѣдемъ.» Пошли купцы домой. А Иванъ премудрый какъ ударить жаломъ одну въ глазъ, другую въ голову... «Ахъ, говоритъ, мнѣ въ голову ударило!...» Кровь побѣжала, завязала платкомъ. А Иванъ премудрый обратился мухой, полетѣлъ домой.

«Ну, маменька! напеките мнѣ шесть лепешекъ къ завтраму.» Вотъ она напекла ему шесть лепешекъ. Онъ и говоритъ: «топоръ и дубинка! чтобъ быть мнѣ тамъ въ самый полдень.» Принесли его туда; эта волшебница выпустила всѣхъ шестерыхъ. Ужь они бѣжали, бѣжали... По локти ручки въ золотѣ, по колѣна ножки въ серебрѣ, на каждомъ волоскѣ по жемчужинкѣ. Бросилъ онъ имъ одну лепешечку, потомъ другую, третью, всѣ... Они схватили, стали ѣсть. «Ахъ, говорятъ, какія вкусныя, прекрасныя; точно маменькины ручки пекли.» Увидали брата... «Спрячься, говорятъ, поскорѣ!» А эта волшебница и говоритъ: «а, Иванъ премудрый! и ты ко мнѣ захотѣлъ.»—Онъ и говоритъ: «топоръ и дубинка! порубите ее на мелкія части, побросайте

все въ воду!»—Изрубили ее, побросали въ воду... Такъ всѣ братья рады, что избавились отъ этой волшебницы. «Топоръ и дубинка! чтобъ быть намъ около своего дому.» Тотчасъ всѣ они очутились около своего дому. Вышла мать, всѣхъ ихъ узнала. Они всѣ упали на колѣни: «маменька, маменька!»—Благодарите, говоритъ, меньшаго... А государь туда къ нимъ и не ѣздилъ: одна тетка кривая, у другой голова распухла, какъ пивной котелъ.

Опять ѣдутъ купцы карабелычики; такъ удивляются. Выходитъ Иванъ премудрый, зазываетъ ихъ. «Пожалуйте!»—Братья людей-то не видали, удивляются... А купцы еще больше на нихъ смотрятъ. Пробыли три дня, приѣзжаютъ къ государю. «Ахъ, батюшка ваше царское величество! На морѣ на островѣ дворецъ точно такой же, какъ вашъ, и живутъ въ немъ шесть братьевъ, по локоть ручки въ золотѣ, по колѣнъ ножки въ серебрѣ, на каждомъ волосѣ по жемчужинкѣ; а седьмой братъ—Иванъ премудрый. Есть тамъ и коты заморскіе и птицы райскія поютъ пѣсни царскія.» Ахъ, братцы, заворачивайте корабли, поѣдемте!—А тетокъ ужъ тутъ нѣтъ, лежатъ въ постели... Поѣхали.

Черезъ недѣлю приѣзжаютъ къ этому острову. Царь самъ удивляется... Выходятъ къ нему навстрѣчу Иванъ премудрый съ братьями, съ маменькой... Царь палъ на колѣни, съ радости заплакалъ... И послалъ царь тотчасъ указъ, чтобъ и духу ихъ (тетокъ-то) не было. Приѣхалъ государь обратно. Вышли его встрѣчать весь городъ, сенаторы; и ее подъ ручки повели... Иванъ премудрый и говоритъ: топоръ и дубинка! чтобъ все здѣсь было: и птицы райскія, и коты заморскіе!—Сколько было радости, и народу удивленіе на эти рѣдкости и на царскихъ дѣтей!

(Записана мной отъ О. С. Котышевой въ с. Котовѣ Ардатовскаго уѣзда Нижегород. губ.)